

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

ДОЧКИ-МАТЕРИ

ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ:
ИГРА ТРЕТЬЯ

Наталья Васильевна Тимошенко
Дочки-матери
Серия «Игры со смертью», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Когда в одной семье в течение года умирает несколько человек, волей-неволей задумаешься: а не проклял ли кто? А если еще и причина смерти у всех одна, сомнений не остается.

К Лере Горяевой обратилась за помощью ее троюродная сестра, ведь у Леры есть хорошо знакомый экстрасенс, способный разобраться в происходящем и остановить череду трагических смертей. Только вот Никита сильно сомневается, что дело в проклятии. Возможно, чтобы помочь несчастной женщине, ему придется покопаться в семейных тайнах и вытащить на свет нечто гораздо более страшное, чем рядовое проклятие.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	42
Глава 4	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Наталья Тимошенко

Дочки-матери

Пролог

Осенние ночи темны, особенно на старых кладбищах. В нескольких метрах от кладбищенского забора не затихала жизнь: тусклые фонари освещали желтым светом дорогу, по которой шныряли редкие в это время суток машины, брели, прикрывая лица темными капюшонами, еще более редкие прохожие. Ночной клуб на другом конце улицы уже закрылся, а вот в окне круглосуточной пекарни продолжал гореть свет. Но сразу за кладбищенским забором мир погружался в непроглядную темноту.

Никто из прохожих не обратил внимания на мужчину, несшего в руках букет черных лилий. Он перешел дорогу и беспрепятственно вошел на территорию кладбища через незапертую калитку. Миновал пустующую сторожку, по узким тропинкам, выложенным щербатым булыжником, пошел уверенно, твердо зная, где находится нужная ему могила. Он уже навещал ее, память имел картографическую, поэтому не задумывался ни на секунду, хотя старое кладбище было достаточно большим.

Он дошел почти до центра, свернул налево, туда, где рос

огромный дуб с выгнившей сердцевиной. В прошлый раз, когда мужчина приходил сюда, дуб кренился от ветра и натужно скрипел, пытаясь удержаться мощными ветками за более молодые деревья, сейчас же оставался мертвенно неподвижным.

Мужчина подошел к небольшой могиле, давным-давно заросшей дикими цветами, наклонился к серому гранитному кресту и провел рукой по почти выцветшей доске.

«Витенька Сафронов, 30 апреля 1959 года – 6 мая 1959 года», – значилось на доске. Под именем Витеньки было еще имя – Лилия. Только дата всего одна: май 1959 года. И лаконичная надпись в самом низу: «Мы будем помнить тебя всегда».

Мужчина опустился на колени перед могилой, положил на почти сравнявшийся с землей холмик цветы. Постоял немного, о чем-то думая, а затем встряхнулся, будто ото сна, посмотрел на часы и тихо сказал:

– Пора!

Часы показывали почти пять утра. Скоро начнет светать, а значит, ему нужно торопиться. Он открыл неприметную черную сумку, которую до этого поставил на землю рядом с собой, вытащил предметы, являющиеся атрибутами предстоящего ритуала. Среди прочего был здесь и маленький череп. Лучше бы, конечно, было взять череп из этой могилы, но кладбище, ничего что старое и нефункционирующее, находилось в оживленном месте, и свидетели могли найтись

даже глубокой ночью. Да и сторож иногда появляется неожиданно. Одно дело прийти в темноте и провести на рассвете неприметный ритуал, другое – несколько часов копать следжавшуюся за столько лет землю. Его точно заметили бы, и наверняка кто-то вызвал бы полицию. Оставалось надеяться, что и с чужим черепом ритуал будет иметь силу. Если у него ничего не выйдет, Хозяин будет недоволен.

Мужчина расставил по периметру могилы шесть черных свечей, новых, еще не познавших вкус пламени, положил у креста череп. Вытащил из сумки несколько старых фотографий и длинную прядь женских волос, перевязанную темной лентой. Все было готово, настало время начинать.

Яркое пламя шести черных свечей взметнулось вверх, затем опустилось и заискрило неровной каплей, зашипело, как брошенный на раскаленную сковороду кусок сала. Могила осветилась ярко, зато вокруг потемнело сильнее, будто черная плотная ткань окутала место захоронения и того, кто творил на нем сейчас колдовство.

Ритуал шел своим чередом: мужчина жег над пламенем волосы, фотографии, закапывал пепел в могильный холм, шептал заклинания, поливал расплавленным воском маленький череп. И в тот момент, когда рассеялась ночная мгла, когда пало черное покрывало, а по надгробному кресту скользнули первые лучи восходящего солнца, затушив свечи, из земли, там, где был закопан пепел сгоревших снимков, медленно появились два тусклых светящихся шара, зависли

невысоко над землей, а затем взмыли вверх и запутались в густой кроне старого дуба.

Как выпутались они, как улетели, мужчина не смог разглядеть на фоне стремительно светлеющего неба. Он быстро прикопал в могильный холм череп, сгреб в сумку оставшиеся предметы ритуала, не тронув лишь цветы, застегнул молнию и, чуть прихрамывая из-за долгого стояния на коленях, двинулся к выходу из кладбища. Его ритуал так и остался незамеченным никем, кто находился в это время рядом. Только через несколько дней постоянная посетительница кладбища, старушка настолько древнего возраста, что, возможно, еще помнила октябрьскую революцию, пришедшая поухаживать за могилой мужа, удивленно посмотрела на завядшие цветы на крохотной могилке. Могилку эту много лет уже никто не навещал, да и цветов таких диковинных она никогда не видела. Но старушка умерла через несколько недель, и не осталось ни одного свидетеля того странного ритуала.

Глава 1

Если с длинным вечерним платьем Лера еще могла смириться, то туфли на невысоком тонком каблуке заставляли ее желать поскорее добраться до стола с алкоголем и опрокинуть в себя бокал-другой вина. Может быть, тогда предстоящий вечер перестанет нагонять на нее ужас. Юбилей дорогой маменьки – что может быть хуже? Ведь маменька, любительница разнообразных тусовок, не упускающая случая собрать всю, даже самую дальнюю родню, из своего пятидесятилетия устроила такую грандиозную вечеринку, с которой могла сравниться разве что ее третья свадьба, когда она выходила замуж за директора небольшого завода. Если бы у Леры была возможность не пойти, она бы совершенно точно не пошла, но в данном случае даже ей не хватило бы на подобное совести.

– Вот повезло же человеку родиться летом, почему не воспользоваться этим и не устроить пляжную вечеринку? – ворчала Лера все то время, что такси везло ее и ее кавалера до ресторана с пошлым названием «Вечерний блюз». – Зачем этот официоз? Зачем эти платья и костюмы?

– А ты хотела появиться перед гостями в бикини вместо вечернего платья? – искренне удивился Никита Кремнёв, который и был на этот вечер ее кавалером.

На самом деле пойти на юбилей матери Лера собиралась

вовсе не с Никитой. Около месяца назад за ней внезапно начал ухаживать новый коллега, и Лера, вопреки собственным убеждениям, отозвалась на его ухаживания. Уже очень давно у нее не случилось нормальных романов, а коллега оказался не только симпатичным внешне: чуть за тридцать, высокий блондин с ямочками на щеках, – но еще и умным и воспитанным. На Леру не давил, похабно не шутил, широких жестов вроде букета из сотни алых роз, от которых Леру тошнило, не делал. Просто пару раз позвал ее на обед, а потом и на ужин. Лера совершенно точно не была влюблена, но позволила себе небольшой роман. Что было весьма предусмотрительно с ее стороны перед юбилеем, о котором матушка начала говорить с Нового года. Надо же ей с кем-то пойти, иначе маменька опять весь вечер будет страдать о том, что старшая дочь никогда не выйдет замуж, пока не сменит профессию. Поскольку менять профессию Лера не собиралась, как и выходить замуж, дотянуть отношения с коллегой как минимум до праздника посчитала необходимым.

Только вот беда: ровно накануне знаковой даты одного из судмедэкспертов бюро, в котором работала Лера, свалила модная болезнь, и перед заведующим встал выбор: вызвать на дежурство Леру или Илью, поскольку все остальные находились в отпуске и предусмотрительно трубки не брали. С гораздо большим удовольствием Лера согласилась бы дежурить сама, но Илья оставался непреклонен: он возьмет дежурство на себя, чтобы она смогла посетить важный празд-

ник. Расстраивать ухажера тем, что праздник этот она считает пыткой, Лера не стала.

В абсолютно подавленном состоянии ее и застал Никита, заглянувший зачем-то на ночь глядя.

– Хочешь, я с тобой пойду? – предложил он, узнав, почему соседка сидит на кухне при свете только лишь экрана ноутбука, зато с бокалом вина.

Даже если Никита предложил это в шутку, то Лера отказываться не стала.

– Ты понимаешь, что испортишь себе вечер? – только и предупредила она.

– Запомни, на какие жертвы я ради тебя иду, – рассмеялся Никита.

Он зашел в назначенный час в темно-сером костюме и бордовом галстуке, точь-в-точь совпадающем по цвету с ее платьем. И, надо заметить, в костюме он чувствовал себя гораздо увереннее, чем Лера в платье и на каблуках.

В ресторан они приехали вовремя: не самыми первыми, чтобы успеть заскучать, пока соберутся все гости, и не самыми последними, чтобы приковать к себе внимание опозданием. Их встретила сама именинница. Сначала широко заулыбалась, увидев старшую дочь с мужчиной, но затем улыбка уступила место удивлению, когда виновница торжества узнала Никиту. Лера с Никитой жили по соседству уже больше десяти лет, а еще раньше Лерина квартира принадлежала бабушке – матери мамы, и семью Никиты та знала хорошо. И

их историю. И если до этого момента Лера даже не задумывалась о том, как именно мама относится к Никите, то сейчас за долю секунды прочитала все на ее лице. И самое поганое, что прочитал и Никита. Даже если бы мать сумела удержать лицо, он все равно понял бы: считывать эмоции людей, которые те еще не успели взять под контроль, он умел хорошо.

– Никита? – уже широко улыбалась мама, нацепив на лицо вежливо-удивленную улыбку. – Вот так сюрприз! Только не говорите, что вы... – Она перевела взгляд на дочь.

– Мы не встречаемся, – слишком резко ответила та, хотя больше всего ей сейчас хотелось заявить, что они только что подали заявление в ЗАГС и прямо с этого торжества поедут осматривать рестораны для свадьбы.

Мама улыбнулась еще шире, но облегчение в ее глазах снова было трудно не заметить. Как вообще эта женщина, настолько ужасная актриса, умудрилась четырежды побывать замужем, не любя ни одного из своих мужей?

– С днем рождения, Светлана Евгеньевна! – Никита протянул ей нарядный пакет, ни жестом, ни интонацией не дав понять, что все прекрасно понял. – Очень рад разделить с вами этот день.

– Ох, лиса! – рассмеялась мама, легонько ткнув его в плечо. Очевидно, тот факт, что дочь с Никитой не встречается, позволил смириться с его присутствием. – Прямо жаль, что вы не пара, – не слишком правдоподобно вздохнула она. – Вы так гармонично смотрите вместе, даже наряды в тон! Ле-

рочка, какое чудесное платье ты выбрала, в нем у тебя появились формы. Ну, идите, подарок положите на стол к остальным, ваше место вон там. — Она указала на один из пока пустующих столиков на четверых. — Я побегу встречать других гостей, надеюсь, мы с вами еще пообщаемся этим вечером.

— Надеюсь, что нет, — проворчала Лера, когда мама уже не могла ее слышать. — Мне срочно нужно выпить.

— Да ладно, она же похвалила твое платье, — усмехнулся Никита.

— Не забыв упомянуть отсутствие груди. В этом вся моя мать. Вот погоди, она еще и по прическе моей пройдет, и по профессии. А если вдруг узнает, что ты пошел со мной из жалости, — туши свет. Лучше к тому времени мне уже пребывать в состоянии краткой потери памяти.

— Она не узнает, клянусь, — рассмеялся Никита, а Лера вдруг подумала, что с ним этот вечер может пройти гораздо лучше, чем с Ильей. По крайней мере, перед Никитой ей не будет стыдно за родственников.

Они только сели за столик, не успели выпить даже по глотку вина, как в зале показались и младшая сестра Леры с мужем. Анята, блогер с полумиллионом подписчиков, естественно, пялилась в телефон, что-то говоря в него. Наверняка вела прямой эфир. Алексей Лосев, ее муж, с несчастным видом плелся сзади, стараясь не попадать под прицел камеры. Точнее, Анята ловко разворачивала телефон так, чтобы было видно лишь ее, сверкающую, как новогодняя ел-

ка. Младшая сестра надела ультракороткое серебристое блестящее платье, раскрасила лицо по-боевому и соорудила из пышных белокурых локонов нарочито-небрежный пучок на затылке.

«Похоже, у маменьки растет достойный конкурент», – со злорадством подумала Лера, глядя на приближающуюся парочку.

– Привет! – удивленно поздоровался Леша, обогнав жену, обводящую телефоном зал, и первым подойдя к столику. – А вы что, вместе?

– На этот вечер – да, – отрезала Лера, пресекая дальнейшие расспросы.

Леша знал ее слишком давно и хорошо: они не только были «родственниками», но еще и часто работали вместе, – а потому не стал задавать лишних вопросов. Да и не смог бы, поскольку к ним, покачиваясь на высоких тонких каблуках, наконец подрулила и Анюта.

– А это моя старшая сестренка, – прощепетала она и навела камеру на Леру. – Представляете, она – патологоанатом!

Больше всего на свете Лера сейчас жалела, что не успела выпить.

– Судмедэксперт, – поправила она, стараясь не замечать наведенную на нее камеру. – Я тебе сто раз говорила.

Анюта звонко рассмеялась, снова повернув телефон к себе.

– Ой, я вечно забываю, что она злится, когда ее называют

патологоанатомом! Лерусик, а может, ты объяснишь моим подписчикам, в чем разница?

Лера глубоко вдохнула, выпрямила спину и резким движением выхватила у сестры телефон, повернула камеру к себе.

– Значит, слушайте сюда, ребятаки, – медовым голосом, дополненным хищной улыбкой, начала она. – Если вы будете шастать без масок по общественным местам, заболаете «ко-роной» и умрете в больничке, выплюнув собственные легкие, вас будет вскрывать патологоанатом. А если вы, плясь в экран телефона, забудете посмотреть по сторонам, переходя дорогу, и будете сбиты машиной, а ваши мозги размажет по асфальту, – то судмедэксперт. Разница понятна, или еще парочку примеров?

Анюта выдернула у нее телефон с такой силой, что едва не упала, когда Лера разжала пальцы. Лицо сестры было бордовым от гнева, но, когда она снова повернула к себе телефон, широкая улыбка уже исправила ситуацию.

– Я думаю, с красочной подачи моей сестры мы теперь все не только запомним разницу между патологоанатомом и судмедэкспертом, но и маски из кармана достанем, правда? – весело рассмеялась она. – А я с вами временно прощаюсь, но очень скоро снова выйду в эфир, не уходите далеко!

Она выключила телефон и гневно уставилась на сестру.

– Ты что делаешь?!

– А разве ты не просила меня объяснить разницу? – удив-

ленно приподняла брови Лера.

Никита молча подвинул ей бокал с вином, и она залпом осушила половину.

– И в самом деле, давайте лучше выпьем, – предложил Леша, поднимая свой бокал.

Анюта все еще дулась, но продолжать конфликт не стала, и вечер потек своим чередом. Гости много ели, еще больше пили, поздравляли именинницу и танцевали. Анюта пару раз выходила в эфир, но Никита ловко уводил Леру на танцплощадку, и ссор больше не возникало. К тому моменту, как наступила «любимая» Лерой часть любого семейного торжества и к ней потянулись родственники с просьбами подсказать, что у них может болеть в правом боку, левой пятке и чуть выше нижней части спины, она пришла уже в настолько благодушное состояние, что могла с милой улыбкой отвечать свое коронное «вскрытие покажет». Никита каждый раз успевал увести ее до того, как родственник осознает ответ и разозлится. Праздник периодически омрачали только какие-то неполадки с электричеством, свет на несколько секунд будто притухал и начинал моргать, да обрывы мобильного интернета, но последнее замечала исключительно Анюта.

За окном давно сгустилась темнота, гости разбрелись по большому залу, некоторые уснули прямо за столиками, когда громкий женский крик прервал веселье. Музыканты испуганно замолчали, все танцующие остановились, даже дя-

дя Олег поднял голову со стола, непонимающе оглядываясь вокруг. Должно быть, уже забыл, где и по какому поводу находится.

Крик повторился, и теперь стало понятно, что доносится он со стороны подсобных помещений и туалета. Это был вопль ужаса, а не боли, поэтому едва ли кто-то из персонала облился кипятком.

Леша сориентировался первым. Кинул взгляд на Леру, и та, мгновенно выпадая из состояния легкой мечтательности, кивнула. Они вдвоем бросились в сторону туалетов, Никита следовал на полшага позади, будто признавал за ними право на первенство как полицейского и судебного медика. Аня, конечно, не осталась в стороне и тоже побежала за ними, на ходу включая телефон.

Что-то происходило в женском туалете. Дверь в него была распахнута, рядом уже собралась толпа тех, кто находился ближе в момент происшествия. Бесцеремонно растолкав всех локтями, Леша и Лера ввалились внутрь.

На кафельном полу, в луже воды, лежала, подвернув под себя руки, женщина в ярко-алом платье. Лера сразу узнала свою троюродную сестру Вику. Этим вечером они успели лишь обменяться вежливыми кивками, даже не разговаривали, но в платье такого цвета была одна она. Рядом с ней, обнимая себя за плечи и продолжая рыдать, но уже тихо, стояла еще одна девушка, имени которой Лера не знала. Кажется, это был кто-то из родственников нового мужа маменьки.

– Так, никому не входить! – скомандовал Леша, расставляя руки в стороны, поскольку их появление словно дало сигнал остальным зевакам и они ринулись внутрь. А может, просто подтянулись те, кто был на танцполе и за столиками, и места в тесном коридорчике перед туалетами всем уже не хватало.

Пока Леша распоряжался, кто будет следить за порядком, кто успокоит рыдающую девушку, Лера подошла к Вике и присела на корточки. Вика была мертва, и налитая в раковину вода непрозрачно намекала, как именно она умерла. Волосы все еще оставались мокрыми, должно быть, именно с них и натекала целая лужа.

– Можно мне?

Лера и не заметила, как Никита присел рядом, протянул руку к телу, но коснулся Викиной руки только тогда, когда Лера разрешила. Почти целую минуту Никита просидел так, не шевелясь, рассматривая затылок погибшей. За это время Леша успел немного уgomонить толпу и навести порядок в коридоре. Теперь возле двери стояли лишь несколько человек, наблюдая за происходящим, но вели себя тихо.

– Наши скоро будут тут, – сказал Лосев, когда Никита отпустил руку Вики, аккуратно положив ее на пол. – Ты что-то почувствовал?

Никита кивнул.

– Я хотел сделать это сейчас, пока от момента смерти прошло еще не очень много времени, – будто оправдываясь за

свое нахождение на месте преступления, сказал он.

А в том, что это убийство, а не несчастный случай, Лера не сомневалась: кто-то же заткнул носовым платком слив в раковине, набрал в нее воды и макнул туда головой Вику. Даже если бы она напилась до такой степени, что поскользнулась и сама упала в раковину лицом, успела бы выбраться до того, как вдохнуть воду, ведь не неразумное дитя.

– Ее убили, – подтвердил Лерины мысли Никита. – Она вырывалась, но кто-то не давал ей подняться, пока она не захлебнулась. Но знаете, что странно? Я не чувствовал физического воздействия. Кто-то не давал ей поднять голову, но при этом не держал ее.

– Это как? – не понял Леша.

– Понятия не имею.

– Быть может, она была пьяна настолько, что в некоторой мере потеряла чувствительность? – предположила Лера. – Так бывает, если выпить слишком много. А ведь ты чувствуешь то, что чувствовала она, а не то, что было на самом деле.

– Чтобы совсем не ощущать чужих рук в данном случае, нужно было допить до комы, – не согласился с ней Леша. – Посмотри на брызги вокруг, она вырывалась слишком активно для настолько пьяной.

Лера огляделась и вынуждена была признать его правоту: весь предбанник туалета, где находились раковины для мытья рук и зеркала, был залит водой. Брызги долетали даже

до потолка. Да и такая огромная лужа не могла натечь с волос. Борьба здесь была нешуточная, и Никита обязательно почувствовал бы чужое воздействие.

Но если Вику никто не держал, то что это было?

* * *

Через полчаса народу в ресторане заметно прибавилось: приехали криминалисты, оперативники, судмедэксперт и следователь. Последний огорчил Лосева больше всего, поскольку дежурство выпало Семеновой Диане Петровне, которую Лосев терпеть не мог, хоть и работать с ней доводилось всего пару раз. Семенову можно было считать новенькой, она появилась в Следственном комитете лишь несколько месяцев назад, но уже снискала себе славу отъявленной стервы. И это всего-то в двадцать пять лет!

Не поздоровавшись ни с Лосевым, ни с Лерой, которых прекрасно знала, Диана Петровна царственной походкой вплыла в ресторан и остановилась на пороге туалета.

– Диана Петровна, дальше сначала мы, – элегантно оттеснив ее от двери, произнес криминалист Павел Сергеевич, которого все звали просто Сергеичем.

Следователь недовольно поджала губы, но промолчала: на место преступления всегда первыми заходят эксперты, а не следователи, будь у них хоть три короны на голове. Вместо этого гордая красавица окинула взглядом столпившихся в

сторонке людей, остановилась на Лосеве и кивнула ему, очевидно, веля подойти.

– Что тут у вас произошло? – надменно поинтересовалась она, будто Лосев был лично в чем-то виноват.

Он коротко пересказал ей события, ничего не упуская, но и не вдаваясь в лишние подробности вроде той, что на месте преступления уже побывал Никита. Не сказал и о его необычных ощущениях. Сначала нужно разобраться, стоит ли Семеновой вообще знать о Кремневе. Это не Воронов, который к Никите относится с определенной долей доверия. Может быть, им повезет, и уже завтра дело заберет Воронов, тогда с Семеновой вообще больше общаться не придется.

– А убитая – кто? – спросила Диана Петровна, когда Лосев закончил.

– Виктория Дубина, двоюродная племянница именинницы.

– Двоюродная племянница? – приподняла рыжую бровь следователь.

– Ее мать и Светлана Прохорова, именинница, – двоюродные сестры.

– Боже мой! – Диана Петровна демонстративно поморщилась, будто увидела перед собой дохлую крысу. – На дворе бушует пандемия коронавируса, мы только что выбрались из очередного локдауна, на пороге – следующий, а вы устраиваете вечеринки с созывом пятиюродных бабушек!

Лосев смутился, будто лично созывал всех этих дальних

родственников, но на Семенову впервые посмотрел с уважением. Как бы он к ней ни относился, а признать правоту ее слов был вынужден. Но не объяснять же ей, что спорить с матерью своей жены – себе дороже, врага наживешь на всю жизнь, если на юбилей не явишься. В свое оправдание он мог сказать только, что давно привит, но не стал. Какая в данном случае разница?

– Вы пили? – поинтересовалась Диана Петровна, не став дожидаться от него каких-либо пояснений.

– Да, – подтвердил Лосев. Да и что толку врать? Во-первых, нельзя прийти на юбилей и не пить, а во-вторых, у него сегодня официальный выходной.

– Тогда я попрошу вас отойти в сторону и не мешать работе дежурной бригады, – ровным тоном заявила Семенова. – Подключить к работе я вас не могу в связи с состоянием алкогольного опьянения, а посторонним людям нечего делать на месте преступления. Как свидетеля я вас потом опрошу.

Лосев не стал спорить, посчитав это ниже своего достоинства, но на Семенову обиду затаил. Впрочем, уже не первую в своей копилке, толку-то? Он отошел в сторону, ища глазами своих, и внезапно увидел, как Лера о чем-то мило воркует с дежурным судмедэкспертом. Это совершенно точно не было обычным рабочим разговором, поскольку мужчина стоял слишком близко к Лере, а она вместо того, чтобы поставить нахала на место, как это умела только Лера Горяева, улыбалась и что-то рассказывала.

Изумленный и обескураженный, Лосев подошел к Никите, продолжая неприлично пялиться на воркующую парочку.

– Глаза меня не обманывают? – спросил он. – Наша Лера улыбается постороннему мужчине?

– Он не посторонний, – пожал плечами Никита, тоже взглянув в их сторону. – Они встречаются.

Лосев перевел удивленный взгляд на него.

– Они – что?

– Они встречаются, – невозмутимо повторил Никита. – Мужчина и женщина иногда так делают.

– Да, но... – Лосев не находил слов. – Почему тогда она пришла сюда с тобой?

– Потому что он работает, – Никита, до этого поглядывавший в сторону двери в туалет, которая теперь была закрыта, наконец посмотрел на собеседника. – У них заболел судебный медик, который должен был сегодня дежурить, и кому-то надо было его заметить. Вот Илья и вызвался, чтобы Лера могла пойти на юбилей матери. А я предложил сходить с ней. Ты же знаешь свою тещу, она бы Лере еще год вспоминала, что та пришла одна, пора бы уже замуж и все такое.

– А ты джентльмен, – не удержался от подначки Лосев. – Вызвал огонь на себя.

Может, и не стоило ему этого говорить, но Никита ведь не дурак, и сам понял отношение Светланы Евгеньевны к себе.

– А с меня как с гуся вода, – хмыкнул он.

Воркование голубков продлилось недолго: криминалисты

закончили осмотр и судмедэксперту пришлось приступать к своим обязанностям. Правда, вскоре выяснилось, что без помощи Лосева Диане Петровне не обойтись: гостей и обслуживающего персонала слишком много, а полицейских – мало. Царственным жестом она подозвала к себе Лосева и попросила – точнее, приказала – выяснить, есть ли в заведении камеры, и если да, то что они засняли.

Камеры были, Лосев обратил на них внимание еще в тот момент, когда вызывал полицию, и одна даже висела в том коридоре, куда выходили двери туалета, но управляющая его расстроила:

– Сам вход в туалет на камеру не попадает, – призналась она. – Несколько месяцев назад шеф-повар стал жаловаться, что у него пропадают продукты с кухни, и мы повернули камеру таким образом, чтобы снимать дверь на кухню.

Лосев вздохнул.

– Вора нашли?

– Нашли, – кивнула управляющая. – Уборщица новая. Уволили. А вот камеру обратно не повернули.

Однако запись этого вечера Лосев все равно попросил: даже если не будет видно, кто именно заходил в туалет вместе с Викторией, то кто находился в коридоре, они узнают. А это уже сузит круг подозреваемых.

Закончив с управляющей, он вернулся в зал. Настроение у всех было далеко не праздничным, и, хоть мать и сестру Вики Диана Петровна разрешила увезти домой, атмосфера

все равно оставалась гнетущей. Ни Леры, ни Никиты, ни даже Анюты нигде не было видно, поэтому Лосев поторопился выйти на улицу, решив выкурить сигарету. Там же встретился с коллегой Славой Шумаковым, который был в дежурной группе.

– Умеете вы веселиться, – хмыкнул тот, когда Лосев подошел к нему, на ходу вытаскивая пачку сигарет из кармана.

– Не то слово, – согласился Лосев. – Что-то интересное узнали?

– Не-а, – Слава выпустил в воздух сизое облако. – Свидетели все пьяные, на жертву особо никто внимания не обращал. Хотя одна из официанток вроде видела, как она на улице ругалась с каким-то мужчиной примерно за час до убийства.

– Мужчиной? – насторожился Лосев. – Она была одна на юбилее, без пары.

– Так и мужик этот не отсюда. Официантка говорит, одет он был в обычные шорты и футболку, так что явно не гость, у вас тут все при параде.

– Фоторобот составить сможет?

– Да куда там? Темно уже было, а она видела мельком. Говорит, просто обратила внимание, что гостя с кем-то ругается, тот мужик ее за руки хватал. Остановилась, чтобы понять, нужно ли позвать на помощь, но Виктория этому мужику что-то сказала и вернулась в зал, а он ушел.

– Но если бы он вернулся, кто-то бы увидел, так? – пред-

положил Лосев, понимая, что у Шумакова есть еще информация. – Мужик в шортах определенно привлек бы внимание.

– Там рядом с кухней есть неприметный закуток, ведущий на улицу, – вздохнул Слава. – Через него можно войти в ресторан и, минуя кухню, попасть в коридор с туалетами. Конечно, велик риск встретиться с кем-то из персонала, официанты постоянно бегают туда-сюда, но теоретическая возможность проскользнуть незамеченным есть.

– Он мог попасть на камеру, снимающую дверь кухни, – оживился Лосев.

– Будем надеяться, что так, – согласился Слава.

Тело увезли уже после полуночи, а полиция уехала и вовсе ближе к утру. Лосев и Лера оставались до самого конца, хотя всем гостям разрешили уйти. И когда уставшие полицейские и криминалисты собрали свои вещи и двинулись на выход, Лосев с удивлением обнаружил еще двух человек, терпеливо ожидающих на стульях в банкетном зале. И если присутствие Никиты он мог объяснить тем, что тот слишком благороден и воспитан, если уж пришел на вечер с Лерой, то и уйдет с ней, тем более они живут рядом, и кто-то должен отвезти Леру домой, то вот сидящая на стуле Анюта поразила Лосева до глубины души. Он думал, жена уже давно дрыхнет в постели, но она была здесь и даже не вела прямой эфир. И вообще не смотрела в телефон. Было видно, что она сильно устала: плечи ее опустились вниз, ладони зажаты между

коленями, прическа растрепалась, а платье измялось. Они с Никитой о чем-то тихо переговаривались, но, увидев Лосева и Леру, поднялись.

– По домам? – устало спросил Никита.

– Угу, – промычала в ответ Лера.

Попрощавшись с четой Лосевых, они скрылись на парковке, где их уже ждало такси, а Лосев помог жене накинуть тонкую шаль поверх платья, и они тоже вышли в теплую летнюю ночь.

– Почему ты не уехала? – спросил Лосев, когда они уже сидели в салоне автомобиля, где приятно пахло мятой и лаймом даже через тряпичные маски, которые оба были вынуждены натянуть на лица.

– Не смогла, – после недолгого раздумья призналась Аня. – Залюбовалась тобой.

Лосев недоверчиво покосился на жену. В последнее время их отношения сильно не ладились, несколько раз разговор уже заходил о разводе. Родители всячески пытались их помирить, Лера, наоборот, недоумевала, зачем они друг друга мучают. Аня была младше Лосева на девять лет, вела успешный блог в соцсети, зарабатывала такие деньги, которые простому оперу Леше Лосеву и не снились. И отчаянно ревновала его к работе, устраивала истерики, когда он срывался на очередной труп, хотя обещал ей поучаствовать в фотосессии, поехать в крутой ресторан или же просто побыть с ней дома. А он точно так же ревновал ее к блогу и под-

писчикам, с которыми она проводила гораздо больше времени, чем с ним, и с которыми, казалось, ей было интереснее. И вот внезапное признание, что она не уехала домой, потому что залюбовалась им.

– В смысле? – не понял он.

– Знаешь, – Анюта вдруг опустила маску вниз, обхватила двумя руками его ладонь, переплела их пальцы и прижалась к его плечу, заглядывая в глаза, – я никогда не видела, как ты работаешь. А ты тогда совсем другой. Такой серьезный, сосредоточенный, такой... профессионал. Не поддаешься на провокации этой рыжей следовательницы, другие тебя уважают больше, чем ее, к тебе прислушиваются, с тобой совещаются. Ты не видел, но она зеленела от злости. А я... я тобой гордилась! Я уже забыла, что ты можешь быть таким!

Ее голос перешел в страстный шепот, а рука скользнула по рубашке вверх, и два пальчика приникли между пуговиц, чтобы коснуться груди. И Лосев с отчаянием понимал, что за эти слова, за этот проникновенный шепот готов простить ей все истерики и недопонимания. А еще что не сможет остановить ее, если вдруг она сейчас примется расстегивать пуговицы на его рубашке, несмотря на то, что водитель уже бросил на них пару настороженных взглядов.

Благо их дом находился недалеко от ресторана, и Анюта не успела ничего сделать, как машина уже остановилась у подъезда. Сунув водителю несколько купюр и заверив, что сдачи не нужно, Лосев вышел из машины и тут же был увле-

чен Анютой в подъезд. И, наверное, даже если бы она вдруг заявила, что прямо сейчас выйдет в прямой эфир, он не стал бы возражать.

Глава 2

Вечером в университете почти не было людей. Занятия давно закончились, в разгаре были экзамены, но и те проходили по утрам, а вечером университетские коридоры видели лишь редких преподавателей да залетных студентов, которые приходили на личные консультации. Увидеть Яну Никита и вовсе не ожидал. Она была из тех студентов, что всегда идут на экзамены и зачеты первыми и почти никогда не ходят на пересдачи. Что ей делать в такое время в университете?

– Яна! – окликнул он ее прежде, чем успел себя остановить. Надо было позволить ей свернуть на лестницу, даже шаг замедлить, чтобы совершенно точно не столкнуться с ней.

Яна обернулась и тут же расплылась в улыбке.

– Никита Андреевич, здравствуйте! – Потом быстро огляделась по сторонам, убедилась, что они одни, и добавила: – Я думала, ты давно ушел.

Он приблизился к ней, чтобы не повышать голос.

– Я на работе, а рабочий день закончился недавно. А вот что ты здесь делаешь? Только не говори, что что-то не сдала.

– А вот сейчас было обидно! – притворно нахмурилась Яна и тут же рассмеялась. – Я сегодня последний экзамен сдавала и на радостях забыла блокнот на подоконнике, вот,

приходила забрать.

Никита открыл дверь, пропуская ее вперед на лестничную площадку, и сам направился следом.

– Как всегда, все на отлично? – поинтересовался он, хотя прекрасно знал ответ.

– Конечно! – заверила Яна. – Я в следующем году хочу снять квартиру, не жить в общежитии, повышенная стипендия мне не мешает.

– Какие планы на лето?

– Обширные! В июле еду на пару недель к бабушке с де-душкой в Питер, несколько лет их уже не видела, потом в августе Саша на море зовет, но когда и куда – еще не определились. Думаю, будет видно ближе к делу, кто знает, куда будут пускать.

– Море под боком, – напомнил Никита.

– Саша хочет другое, – пожала плечами Яна, и Никита проглотил вопрос, а что хочет она. Ему не должно быть до этого дела.

– Демон себя не проявляет? – вместо этого спросил он, еще раз убедившись, что они одни на лестнице и никто не услышит их разговора.

– Не-а, – качнула головой Яна. – Кстати, как думаешь, если я отвезу браслет и медальон к папе и спрячу в своих вещах, не стану брать в Питер и на море, ничего не случится?

– Не думаю. Главное, чтобы никто не надел их вместо тебя. Так что, если ты уверена, что никто не станет рыться в

твоих вещах, оставляй.

— Не станет, — уверенно сказала Яна. — Папа в моих вещах не рылся, даже когда я была подростком и выкидывала те еще фортели, а Элиза и вовсе не имеет такой привычки.

— Фортели?.. — не удержался Никита, хотя это был опасный путь. Зачем ему лезть в ее жизнь и узнавать подробности из детства? Но они уже спустились на первый этаж, до выхода оставалось совсем чуть-чуть, а значит, много рассказать она не успеет.

— О да! — Яна рассмеялась. — Я по ночам сбегала через окно к друзьям, ходила с ними на ритуалы по вызову дьявола, а мой парень оказался убийцей.

Никита даже замер на мгновение, ошарашенно глядя на нее. Яна тоже остановилась, обернулась к нему и хитро улыбнулась.

— Как-нибудь я тебе расскажу.

И больше всего его удивили даже не странные факты из биографии Яны, в конце концов, кто не творил глупостей в подростковом возрасте, а то, с какой раскованностью она сейчас это сказала, хотя ранее молчала, даже когда они разговаривали на тему сверхъестественного, обсуждали его прошлое или вместе расследовали убийства. То есть, на взгляд Никиты, когда время было гораздо более подходящее для таких признаний.

Что это? Простая радость от предстоящих ярких каникул или же влияние демона, которого он так боится? За два про-

шедших месяца Никита изучил уже достаточно информации на эту тему и сделал вывод, что присутствие рядом такой сущности может повлиять на характер человека, может сделать его слишком самоуверенным, даже безбашенным, подталкивать к отчаянным поступкам. Ведь когда на подсознательном уровне ты уверен, что сможешь исправить любую ошибку, какая сила может удержать тебя от экспериментов? Пока Яна не совершила ничего странного, пугающего, но до этого она всегда вела себя скованно в его присутствии. Никита еще помнил, как сильно она смутилась, когда нечаянно назвала его Ником. Будто предпочла бы и дальше называть Никитой Андреевичем и не сокращать дистанцию. Все чаще он думал, что им действительно не следовало сближаться, но по совсем другим причинам.

Предлагать подвезти ее до общежития Никита не стал. На улице было светло, тепло, а общежитие находится всего в паре автобусных остановок. Не нужно в очередной раз давать повод для сплетен университетскому миру. Это в коридоре они никого не встретили, а из окна наверняка кто-то увидит, как студентка и преподаватель садятся в одну машину. И самому не следует поддаваться слабостям, и так ведь решил, что зря сближались. Впереди два месяца, за которые они не увидятся, отличное время, чтобы разобраться в себе.

Но эти два месяца Яна останется без его присмотра, а значит, нужно наконец рассказать о своих опасениях Саше Сатинову.

Никита сел в машину и вместо того, чтобы завести двигатель, вытащил телефон и написал сообщение: «Нужно поговорить, можем сегодня встретиться?»

Палец завис над кнопкой отправки. Несколько секунд Никита думал, а затем быстро стер сообщение и открыл другой контакт. Так будет правильно. По крайней мере, на ближайший месяц.

Даша с экзаменами уже рассчиталась и накануне уехала в гости к подруге в соседний город на неделю, поэтому квартира встретила его почти полной тишиной: лишь на кухне едва слышно бормотало радио. Ужинать одному не хотелось, да и жара на улице не располагала к принятию пищи, поэтому Никита заварил большую кружку чая, бросил в нее кружок лимона и несколько кусочков льда, насыпал в вазочку печенья и устроился за обеденным столом вместе со старой толстой папкой.

Несколько дней назад Петр Михайлович Воронов – следовательно, с которым Никите уже не раз доводилось работать и который когда-то знал его отца, – наконец достал для него папку с делом об убийстве его матери. Но в разгаре были экзамены, и, как бы Никита ни желал все бросить и начать изучать материалы, он не мог этого сделать. Пролистать же все мельком ему казалось неправильным. Так он может упустить что-то важное, а упускать не хотелось.

Двадцать лет его не интересовали те события. Точнее, он не испытывал желания узнать, что именно и как происходи-

ло в ту ночь. Хватало собственных воспоминаний. Все изменилось несколько месяцев назад, когда ему удалось поучаствовать в расследовании убийства известной певицы. Они столкнулись с демоном, исполняющим желания человека, владеющего браслетом и кулоном, но, похоже, так или иначе сводящим обладателя этих предметов с ума. И Никита вспомнил, что нечто похожее было в их доме в ту страшную ночь, поэтому ему захотелось ознакомиться с материалами дела, узнать, что увидели эксперты, оказавшиеся на месте преступления, что рассказали свидетели.

Он успел прочитать всего несколько страниц и выпить полкружки чая, как во входную дверь аккуратно постучали. Никита оторвался от пожелтевших страниц и поднял голову. Наверняка это Лера. Если бы был кто-то посторонний, то сначала позвонил бы в домофон, соседи предпочитали пользоваться звонком, и только Лера всегда стучит. Как и он в ее дверь. Как-то так повелось с самого начала почти одиннадцать лет назад, и никто из них не захотел менять привычку.

Бросать чтение ему не хотелось, и Никита был уверен, что Лера не знает, дома ли он. Он искренне любил свою соседку, а она никогда не злоупотребляла его гостеприимством, так что за одиннадцать лет знакомства он мог вспомнить всего несколько случаев, когда возникало желание не открывать ей дверь, и обычно это бывало поздно вечером, когда Лера заходила, чтобы предложить выпить вина и посмотреть кино, а ему завтра предстоял ранний подъем. Едва ли она станет

предлагать подобное в семь часов. Значит, у нее что-то либо очень строчное, и не открыть он не имеет морального права, либо очень быстрое, с чем он сможет быстро разобраться.

Не став закрывать папку, Никита поднялся и вышел в прихожую.

– Рада, что ты дома, – дежурно сказала Лера, – можешь зайти?

Она выглядела одновременно встревоженной и неуверенной, будто у нее произошло что-то важное, во что она до конца не верит.

– Что случилось? – спросил Никита, засовывая ноги в домашние тапочки, которыми пользовался лишь тогда, когда нужно было сделать несколько шагов по общему коридору в соседскую квартиру.

– Это сложно объяснить, – туманно ответила Лера, – да я и не смогу пересказать. Лучше тебе услышать из первых уст.

Заинтригованный, Никита вошел вслед за Лерой в ее квартиру и обнаружил в гостиной еще одну молодую женщину. Ее лицо показалось знакомым, но вспомнить, где видел ее, Никита не успел, Лера представила ее первой:

– Это Карина, моя троюродная сестра. Вы встречались на дне рождения моей матушки. Вика – ее родная сестра.

Точно, именно там он ее и видел! Только сейчас, в джинсах и футболке вместо вечернего платья, с обычным «хвостом» вместо замысловатых кудрей, без макияжа, при свете угасающего дня, он ее не узнал.

– Примите мои соболезнования, – вежливо сказал Никита, опускаясь в свободное кресло у окна. Очевидно, ему придется выслушать какой-то рассказ, а стоя это делать не так уж удобно.

Лера села на диван рядом с Кариной и погладила ее по плечу, одновременно успокаивая и приглашая к рассказу. Никита знал, насколько нетипичны для соседки такие жесты. Саркастичных слов и циничных выражений в ней на целый глоссарий, а вот оказывать сочувствие и признательность она не умеет. Значит, рассказ должен быть крайне необычным.

– Повтори Нику все, что рассказала мне, – попросила Лера. – Боюсь, я не запомнила всех деталей.

Карина подняла на Никиту взгляд, собираясь с мыслями, а затем тихо сказала:

– Мне кажется, на моей семье лежит какое-то проклятие. У нас умирают женщины. Я видела, как в ресторане вы взяли Вику за руку и что-то рассказывали, расспросила тетю Свету, она и сказала, что вы экстрасенс. И я хочу попросить у вас помощи, потому что не знаю, куда мне еще бежать, где на меня не посмотрят, как на дуру.

Никита бросил взгляд на Леру, и та лишь пожала плечами, мол, я тут ни при чем. Никита, в общем-то, никогда не делал тайны из своих способностей, особенно когда был чуть моложе и еще не работал в университете. Лерина мама о них точно знала, потому и не обрадовалась, когда он пришел на юбилей с ее дочерью. Верила или считала сумасшедшим –

уже не столь важно.

– Расскажите подробнее, – попросил Никита. – В какой момент вы заметили это, почему только женщины, разве мужчины не умирают?

– За последний год это уже третьи похороны в нашей семье, и все женщины. Сначала двоюродная сестра, затем родная, теперь вот еще одна родная.

– Как именно они умерли? Болели?

– Нет, – Карина качнула головой, – в том-то и дело: убийство, несчастный случай.

– Давайте начнем с первой смерти. Как умерла ваша двоюродная сестра?

– Это случилось в прошлом октябре, ее убил парень, почти муж. Они жили вместе уже несколько лет, собирались пожениться этим летом. Он утопил ее в ванной.

– Причины?

– Я не знаю, – Карина пожала плечами. – Мы не были близки с Лизой, встречались только на общих семейных праздниках. Знаю только, что ее парень все отрицает, говорит, что не убивал, но суд уже был, его признали виновным. Потом умерла Юлька. В феврале этого года не справилась с управлением, машина слетела с моста и упала в реку. Она была с двумя подругами, те выбрались, а Юлька не смогла. А теперь вот и... Вика.

Карина всхлипнула, но не расплакалась. Закрыла глаза, задержала дыхание, справляясь со слезами. Никита и Лера

молчали, давая ей время. Наконец она шумно выдохнула и снова посмотрела на них.

– Из всех сестер осталась только я. И мне страшно.

Никита понимал ее, хоть и пока сомневался, что это именно проклятие. Люди умирают постоянно и без проклятий. Единственное, что его смущало, так это то, что все девушки так или иначе утонули. И если о смертях Лизы и Юли он пока ничего не знал, то смерть Вики показалась ему странной с самого начала. Она утонула в раковине с водой, отчаянно при этом сопротивляясь. Но кто держал ее, Никита так и не смог понять.

– Другие родственники не умирали? Допустим, в течение не последнего года, а двух-трех? – спросил он.

– Нет, – Карина сказала уверенно, и стало понятно, что перед тем, как прийти к ним, она думала об этом. – Точнее, еще тетя умерла в прошлом сентябре, незадолго до того, как убили Лизу, но она тяжело болела, потом подхватила «короону» и уже не оправилась. А до этого я вообще никогда в жизни не была на похоронах.

– А тетя – это мать Лизы?

– Нет. У моей мамы есть брат и сестра. Лиза – дочь брата. А умерла сестра.

– А брат жив?

– Да.

– А его жена?

– Она скончалась при родах, еще до моего рождения: Ли-

за была на пять лет старше. Больше он не женился, Лизу растила бабушка по линии матери.

– А бабушка, мама вашей мамы, ее сестры и брата, жива?

– Да.

– У тети, которая умерла в сентябре, были дети?

– Нет. Она и замужем никогда не была.

Никита поднялся, подошел к окну, отодвинул штору, выглядывая на улицу. Уже смеркалось, но из приоткрытой форточки все еще тянуло жаром. Лерины окна выходили на лесополосу, и там сейчас было полно детей и «шашлычников». Никакие запреты на разведение огня в черте города на них никогда не действовали.

Да, все эти смерти выглядели странно на первый взгляд, но проклятия встречаются гораздо реже, чем такие ужасные совпадения. И тем не менее впереди два месяца отпуска, чем-то занять голову ему нужно. Так почему бы не попробовать разобраться в этом деле? Если никакого проклятия нет, он все равно сможет помочь Карине: как минимум успокоить. Люди, живущие в ожидании смерти, крайне несчастны.

Карина, конечно, этому страшно обрадовалась, и улыбка девушки, недавно потерявшей двух сестер, уже стоила этого обещания. Никита подробно записал данные всех погибших, собираясь выяснить недостающие подробности.

Когда Карина ушла, Лера позвала его на кухню выпить кофе и заодно выяснить, что Никита думает о произошедшем.

– Пока трудно сказать, – честно признался он. – Да, сов-

падения выглядят пугающе, но это может быть лишь стечение обстоятельств. Если же Карина права и над ее родом действительно висит какое-то проклятие, то нужно покопаться глубже, выяснить, когда и с кого все началось. Мы ведь дошли только до ее бабушки, дальше она ничего не знает. Напомни, как вы с ней связаны?

– Как раз ее бабушка и мой дедушка, отец моей матери, – родные брат и сестра. У нас, выходит, общая прабабка. Но предупреждая твой вопрос: она умерла давным-давно, я ее не помню и причины смерти не знаю.

– Твой дедушка жив?

– Тоже давно в могиле.

– А бабушка, его жена?

– Мы в ее квартире сейчас.

Бабушку Леры Никита даже смутно помнил. Она жила по соседству, когда они были еще маленькими. Затем их увезли отсюда на долгих десять лет, во время которых соседка и скончалась.

– От чего она умерла?

– Инсульт.

– Тогда у меня три варианта: либо все началось ниже по генеалогическому древу, и ваши бабушки еще не были подвержены проклятию, либо оно идет по крови, и тогда женщины, ставшие женами вашим родственникам, не страдают.

– А третий вариант?

Никита усмехнулся.

– Нет никакого проклятия. Но пока я не готов склоняться ни к одному из вариантов, нужно собрать больше сведений. А заодно выяснить что-то о вашей прабабушке. Потому что если вдруг все началось с нее или еще выше, то ты, твоя сестра и мать тоже в опасности.

Лера настороженно посмотрела на него.

– Но в нашей семье не было никаких странных смертей.

– Может быть – пока.

– А ты умеешь успокоить, Кремнев!

– Так у меня и не было намерения тебя успокоить, – развел руками Никита. – Мне же нужен помощник.

– А как же Яна? – напомнила Лера. – Обычно она у тебя в помощниках.

– У нее с завтрашнего дня каникулы, она уезжает к отцу за город. Не думаю, что портить ей каникулы – хорошая идея.

– Думаешь, это испортит ей каникулы? – приподняла бровь Лера, но Никита был непреклонен.

– Да и жить ей негде, разве что опять у тебя. А тебе, как я понимаю, сейчас соседи вовсе ни к чему. Толку от нее за городом тоже мало. Так что не отвертись, с проклятиями собственной семьи придется разбираться.

Лера скорчила многозначительную гримасу, давая понять, что она об этом думает, но Никита знал, что, безусловно, она в деле. Придется привлечь еще и Лешу, поскольку им нужна информация от полиции, а вот Яну он трогать не хотел. Ему нужны были эти два месяца подальше от нее.

Глава 3

За десять лет службы в полиции Лосев никогда не боялся следователей, шел к ним спокойно и, даже если чувствовал за собой какую-то недоработку, все равно не стеснялся об этом говорить. Да, порой его чехвостили, иногда даже делали выговоры, но он давно уяснил, что правда все равно выплывет наружу и тогда последствия будут гораздо хуже. Однако с тех пор, как в Следственном комитете появилась новая сотрудница Семенова Диана Петровна, Лосев каждый раз молился, чтобы им не пришлось работать вместе, а когда все же приходилось, страстно боролся с желанием броситься под машину и уйти на больничный на несколько месяцев. Вот и сегодня он долго курил на улице, собираясь с мыслями, прежде чем явиться на доклад к следователю. Его надежды на то, что дело об убийстве Виктории Дубиной перейдет любимому следователю Воронову, не оправдались, поскольку Воронов ушел в отпуск. А значит, придется работать с Семеновой, и ничего тут не попишешь.

В итоге Лосев пришел на две минуты позже назначенного времени, чем вызвал гнев следователя.

– Так сложно явиться вовремя? – ядовито поинтересовалась Диана Петровна вместо приветствия.

Лосев лишь кратко извинился в ответ, зная, что никакие оправдания она все равно не примет. Да и не было у него

оправданий, на самом деле. «Видеть вас не могу» едва ли станет уважительной причиной.

Не стал он дожидаться и приглашения сесть, знал, что его не последует, поэтому просто опустил на ближайший к выходу стул.

– Что у вас? – не поднимая головы от каких-то бумаг, спросила Семенова.

– Мы установили мужчину, с которым Виктория ругалась незадолго до смерти, – начал Лосев.

– И на это вам понадобилось несколько дней, – заметила Диана Петровна.

– Он оказался ее бывшим любовником, они расстались несколько месяцев назад, – продолжил Лосев, никак не прокомментировав ее реплику. – Игорь Хромов, двадцати девяти лет, работает менеджером в банке. Коллеги отзываются о нем хорошо, исполнительный, честный, неагрессивный. С Викторией они расстались по ее инициативе, она якобы разлюбила Хромова. Сам Хромов признался, что не мог с этим смириться, периодически просил Викторию вернуться. Вот и в тот вечер подкараулил ее возле ресторана. Пришел туда с букетом, просил возобновить отношения. Говорит, думал, что Виктория под влиянием алкоголя сжалится, познакомит его с родственниками и тогда уж на следующий день не отвертится, примет его предложение о браке.

– Какой жалкий мужчина, – фыркнула Семенова. – И тупой. Насколько я помню показания свидетелей, он был в

шортах и футболке. В таком виде собирался с будущей тещей знакомиться? Либо он реально дурак, либо просто солгал вам, и планы у него были совсем другие. Что, по его словам, было после того, как Виктория его в очередной раз отвергла?

– Говорит, поехал домой. По дороге заезжал на заправку, возможно, работники его вспомнят, поскольку он постоянно заправляется там.

– И что, вспомнили?

– Я еще не успел туда съездить, – признался Лосев.

Диана Петровна наконец оторвалась от бумаг и посмотрела на него.

– Чем же вы были так заняты, что и на заправку не съездили, и ко мне опоздали?

Лосев проглотил собственное возмущение. Она думает, он телепортироваться умеет? Поговорил с Хромовым и тут же оказался на заправке? И других дел в разработке у него совсем нет?

– Я долго ждал, пока Хромов освободится для разговора, – как можно спокойнее сказал он. – Тот был на работе.

Диана Петровна презрительно фыркнула, заявив, что зовет Хромова на допрос и сама выбьет из него правду. Дескать, она уверена, что все было вовсе не так, как он рассказывает, и ни на какую заправку Хромов не поехал, а зашел следом за Викторией в туалет и утопил ее.

– На теле Виктории нашли следы того, что ее кто-то дер-

жал? – уточнил Лосев, прекрасно зная, что это не так.

Судмедэксперт Илья Вавилин сразу после вскрытия рассказал Лере, что никаких следов на теле не нашли, никто Викторию не держал, что полностью совпадало с ощущениями Никиты.

– Нет, – сквозь зубы призналась и Диана Петровна. – Но не хотите же вы сказать, что Виктория сама утопилась в раковине туалета на юбилее своей тетки?

Лосев так сказать вовсе не хотел, уж слишком явными были следы борьбы: вода долетела даже до противоположной стены. Видеозапись в коридоре тоже не особо им помогла: они установили трех человек, которые примерно во время смерти Виктории могли находиться возле туалета, но дверь возле кухни не давала Лосеву покоя, ведь кто угодно мог войти в нее, попасть в туалет и не засветиться при этом на камере. Это было сложно, пришлось бы сильно прижиматься к стене, но возможно. И если убийство было спланировано заранее, то убийца наверняка подготовился.

Обычно эту дверь открывают только для приемки продуктов, но шеф-повар признался, что в тот вечер она была открыта: во-первых, повара и официанты все время бегали курить и ему надоело открывать каждому дверь, а во-вторых, накануне на кухне забарахлила вытяжка, ночь выдалась жаркая, поэтому они открыли проход для дополнительного проветривания. Конечно, тот, кто вошел в эту дверь, должен был не просто не попасться на камеру, но еще и пройти мимо

кухни, однако гостей было слишком много, работа кипела, а потому повара в запарке могли не увидеть постороннего.

– Диана Петровна, я нашел одну интересную закономерность, – с трудом заставил себя сказать Лосев.

Следователь посмотрела на него с таким видом, как смотрят на двоечника в школе, который утверждает, что выучил урок на отлично: с недоверием и насмешкой.

– Какую? – поинтересовалась она.

– За последний год это уже третья смерть в семье Виктории при схожих обстоятельствах.

Семенова подалась вперед и в первое мгновение не смогла справиться с лицом, поэтому Лосев заметил, что Диана Петровна заинтересована и одновременно разочарована, что не она нашла закономерность. Чего-чего, а честолюбия у этой дамочки хоть отбавляй.

– В октябре прошлого года утонула в ванной Елизавета Ветрова, двоюродная сестра Виктории. Ее утопил сожитель, хотя вины своей не признал. Затем в феврале утонула в реке уже родная сестра Виктории, Юлия. Она не справилась с управлением автомобиля и вылетела в реку. А теперь вот Виктория.

По мере того, как Лосев излагал полученную от Никиты Кремнева информацию, брови Дианы Петровны медленно приподнимались вверх, а лицо принимало непонимающее и безразличное выражение, будто Лосев по частям выкладывал ей на стол дохлую лягушку.

– И в чем же здесь схожесть обстоятельств? – спросила она, когда Лосев замолчал.

– Они все так или иначе утонули, – пояснил он, уже понимая, что аргументы не показались ей достойными внимания.

Диана Петровна несколько долгих мгновений изучала его лицо, будто ждала, что он сейчас рассмеется и скажет, что пошутил.

– Вы себе представляете, сколько вообще людей утонуло за последний год в нашем городе? – наконец спросила она. – И что, всех их так или иначе приплетать к этому делу?

– Причем тут все? – искренне удивился Лосев. – Речь идет о семье Виктории, и две ее сестры так же утонули.

– Одна в реке – несчастный случай, вторую убил любовник. В чем схожесть? – продолжала недоумевать Диана Петровна. – Или вы намекаете, – она откинулась на спинку кресла, сложила на груди руки и ехидно ухмыльнулась, – что эту семейку убивает призрак дедушки, последнюю волю которого они не исполнили?

На это Лосев, ясное дело, не намекал, но Семенова не дала ему ответить, продолжила дальше:

– До меня доходили слухи, что вы, Алексей Александрович, любите вплетать в расследования мистику и паранормальщину, а Петр Михайлович Воронов смотрит на это сквозь пальцы. Так вот имейте в виду, – Диана Петровна вдруг подалась вперед, чуть ли не грудью легла на стол, уставилась на Лосева нос к носу, так что он даже отпрянуть не

решился, – я не Воронов, а заниматься битвой экстрасенсов в своем расследовании вам не позволю. И дружка своего ненормального, о котором мне тоже рассказывали, держите от Следственного управления подальше. Ясно вам?

Что ж тут неясного? Конечно, все предельно ясно. Семёнова – не Воронов, жизненного опыта у нее маловато, рабочего – тоже, а вот гонору выше крыши. Никогда она не поверит ни в зомби, ни в проклятые украшения, ни во что бы то ни было другое. И даже настаивать не стоит.

Лосев распрощался со следователем, предварительно получив порцию новых заданий и предупреждений, чтобы не занимался глупостями, и вышел на улицу. Времени было – всего начало одиннадцатого, но жара стояла уже тропическая. Легкий ветерок доносил с речного берега ароматы расплавленных ракушек и медленно закипающей воды, и больше всего Алексей хотел бы очутиться на пляже в одних плавках, а не брести по тротуару в полном рабочем обмундировании к автомобилю.

Может, плюнуть на все и уехать на выходные с Анютой к морю? После того, как они так внезапно уладили все свои разногласия, Лосеву совсем не хотелось уходить из дома по утрам. Будучи в некотором роде пессимистом – он, конечно, считал себя реалистом, – Леша думал, что это перемирие недолгое, что скоро поезд семейной жизни снова может сойти с рельсов, а потому хотел пользоваться каждой минутой рядом с женой. Вытащил телефон, но вместо Анюты позво-

нил Кремневу.

– Ник, у нас проблемы, – вздохнул Лосев, когда тот ото-звался. – Воронов в отпуске, убийство Виктории ведет Се-менова, и она ясно дала понять, что работать нужно исклю-чительно в материальном поле.

– Ну, не первый раз, – после недолгого молчания сказал Никита. – Воронов вообще находка в этом плане. Так что придется тебе добывать для нас информацию втихаря, смо-жешь?

– Пока мне этого официально не запретили, конечно, смо-гу, – заверил Лосев, не став упоминать, что Диана Петровна уже пригрозила Никиту к зданию Следственного комитета не подпускать.

– Тогда попытайся сделать так, чтобы тебе не запретили, – хмыкнул Никита. – Твоя помощь нам будет крайне нужна.

Пообещав стараться изо всех сил, Лосев сбросил звонок и, немного подумав, все-таки позвонил Аняте. До выходных времени еще много, а вот позвать жену на ужин он может прямо сегодня.

– Ой, а чего ждать ужина? Давай сейчас! – обрадовалась Анята. – В центре открылась новая кофейня, говорят, у них волшебные бранчи.

Лосев понятия не имел, что такое бранч, но отказываться не стал, хоть и подозревал, что большую часть этого самого бранча Анята будет переставлять тарелки на столе, чтобы они гармонично смотрелись в кадре, постить сторисы, рил-

сы, следить за охватами, подписками и прочими неизвестными ему вещами, но в конце концов он ведь тоже сможет уделить ей не больше получаса, а затем убежит на работу. И если Анюту так возбуждает его работа, то он должен как минимум перестать раздражаться на ее.

* * *

Яна Васильева была искренне уверена в том, что лучшее время любого человека в возрасте от шести до двадцати двух лет, — летние каникулы. Особенно когда ты живешь в южном городе, где море пусть не омывает один из его краев, но добраться до воды можно за короткое время. Поэтому, сдав экзамены, она собиралась насладиться каждым днем по полной программе, вовсе не жить в ожидании поездки в Питер к бабушке с дедушкой или на крутой курорт с Сашей Сатиновым. Именно это предвкушение теплых летних деньков и окрыляло ее, заставляло вести себя раскованно и даже чуть сумбурно.

По дороге к дому отца она вчера вовсю флиртовала с одним из пассажиров в автобусе, но дать ему свой телефон наотрез отказалась. А еще чуть раньше так же необычно чувствовала себя и рядом с Кремневым, когда они случайно столкнулись в коридоре университета. Даже замечала на себе его чуть удивленные взгляды, но наслаждалась ими вместо того, чтобы привычно смущаться.

Вообще Яне казалось, что после той истории с проклятыми украшениями, владелицей которых она оказалась по воле случая, между ней и Никитой что-то неуловимо изменилось. По крайней мере, Кремнев больше не вел себя отстраненно, когда они сталкивались в коридорах. Не звал на ужин, конечно, и не звонил по пустякам, но периодически интересовался ее делами, и Яна понимала, что перешла из разряда обычных студенток в разряд если еще не друзей, то хороших знакомых минимум. Самой ей тоже стало проще с ним общаться. Она больше не стеснялась обращаться к нему просто по имени, без отчества, и на «ты». Конечно, когда рядом не было других студентов или преподавателей. А еще на его лекции она теперь старалась приходить аккуратной и собранной, в туалете поправляла макияж, чтобы помада не выходила за контур губ, и прическу. Бывало, несколько раз по утрам стирала и рисовала заново стрелки, добиваясь максимальной симметричности, если в этот день была его лекция. И на занятиях раскладывала на столе вещи в определенном порядке, строго по размеру. Она прекрасно знала, как цепляется Никита за любой непорядок, поэтому хотела, чтобы ему было комфортно при взгляде на нее и ее рабочее место. Понятия не имела, заметил ли это Никита, зато заметили несколько девчонок, которые ее недолюбливали.

– Опять перед кремневской лекцией вырисовываешься, – заметила одна, застав Яну в туалете за поправкой макияжа.

– Да он на тебя даже не смотрит, – хмыкнула вторая.

– И после занятий давно уже не подвозит, – добавила первая. – Похоже, надоела ты ему, зря стараешься. У преподавов это, знаешь ли, в порядке вещей. Один семестр с одной развлечется, в следующем себе новую игрушку найдет.

Яна не стала объяснять им, что никакие отношения, кроме рабочих, ее с Никитой никогда не связывали, и садилась она к нему в машину исключительно в тех случаях, когда они вместе вели очередное расследование. Ведь тогда пришлось бы рассказать им, в каких именно расследованиях они порой участвуют, а давать новые поводы для насмешек и над собой, и над преподавателем ей не хотелось. Самое удивительное, что все как-то разом забыли о том, что Никита Андреевич Кремнев никогда романов со студентками не заводил и, даже если кто-то пытался строить ему глазки, умело игнорировал эти взгляды и намеки. Ведь Яна слышала такие разговоры еще на первом курсе, когда уголовного права у нее не было и, кто такой этот Кремнев, она вообще не имела понятия.

Этим утром ее разбудил стук молотка. Не очень громкий, не под самым ухом, но Яна уже два года жила отдельно от отца, а потому проснулась от непривычного звука. Прислушалась, еще не открывая глаз. Очевидно, папа работал в мастерской, но определенно старался стучать потише, чтобы не разбудить ее. Окно Яниной комнаты выходило во двор, где находилась мастерская, а потому, если бы он стучал во всю силу, разбудил бы дочь гораздо раньше.

Яна отбросила в сторону тонкий плед, которым укрыва-

лась по случаю жары, подошла к распахнутому по тому же случаю окну и раздвинула шторы. Ну надо же, он даже дверь в мастерскую закрыл, чтобы ей не мешать, а ведь там нет кондиционера, и потому наверняка жарко даже утром.

– Папа! – крикнула Яна. – Можешь не стараться, я уже не сплю.

Дверь тут же распахнулась, и из нее выглянул отец.

– Я тебя разбудил? – виновато спросил он. – Прости, старался потише, но заказ очень срочный.

– Ничего, – великодушно махнула рукой Яна, одновременно поглядывая на экран мобильного телефона, – десятый час, и так пора вставать.

– У Элизы занятие, она в кабинете, так что завтракай сама, – велел отец. – В холодильнике есть сыр и колбаса, сделай бутерброды, не сиди голодной.

Яна картинно закатила глаза, давая понять, что она думает о гиперопеке, папа соорудил ей строгую рожицу. Все-таки он у нее классный, пусть между ними порой и случались разногласия. Справедливости ради стоит заметить, что крайне редкие с тех пор, как она уехала учиться.

Быстро переодевшись, Яна набросила на кровать покрывало и вышла в прихожую, прислушиваясь к звукам. Здесь удары молотка были почти не слышны, зато из кабинета Элизы доносилась ее правильно поставленная речь на английском языке. Элиза преподавала иностранные языки онлайн, имела обширную базу учеников, ее контакты переда-

вали друг другу, и попасть к ней на занятия уже давно можно было только по чьей-то протекции. Папа постоянно жаловался, что Элиза снова взяла нового ученика и теперь вынуждена работать даже по выходным. Правда, Яне казалось, что вынуждена она исключительно в глазах папы, самой ей это доставляет удовольствие. Неофициальная мачеха чем-то напоминала Яне Никиту, только в еще более гипертрофированном варианте. Если Никита просто не любил беспорядок, цеплялся за любую лежащую не на своем месте вещь как за ментальный гвоздь, то Элиза вообще жила по четкому распорядку, заранее планировала буквально все, начиная расписанием занятий с учениками и заканчивая работой в розарии. Розы были ее страстью. Когда они с папой решили переехать поближе к городу, в котором училась Яна, Элиза перевезла с собой все свои розы: для саженцев пришлось нанять отдельную машину.

Вот и сейчас кухня встретила Яну ароматами натурального кофе из не закрытой отцом пачки и огромного букета роз на обеденном столе. Быстро сделав себе двойную порцию американо – как же Яне не хватало в общаге хорошей кофемашины! – и несколько бутербродов, она поставила все это на поднос и вернулась в свою комнату. Значок уведомления на мобильном телефоне говорил, что у нее в почте есть несколько новых писем, и Яна надеялась, что одним из них будет ответ от парня, которого она искала почти два месяца и на прошлой неделе наконец нашла.

Так и оказалось. Владислав Скориков подтвердил, что, судя по описанию, он именно тот, кто ей нужен, и даже согласился прямо сейчас пообщаться в мессенджере, чтобы сообщения друг до друга доходили мгновенно.

Изучив вдоль и поперек записную книгу мага, который и подкинул Яне проклятые украшения – а теперь уже не было сомнений в том, что окончательной целью была именно Яна, – они с Никитой выяснили не так много интересного, но двух человек, которые что-то могут знать, отыскиали. Один, скорее всего, был мертв, а вот второй сменил номер телефона, и Яне пришлось искать его другими путями. Но она нашла!

«Я не совсем понял, что именно вас интересует», – написал ей Владислав в мессенджер.

Яна несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, заставляя руки не дрожать от возбуждения, прежде чем написала ответ:

«Несколько месяцев назад ко мне случайно попали необычные украшения: браслет и медальон в холщовом мешочке с красной лентой. А также блокнот, в котором был указан ваш старый номер телефона. Я хотела бы узнать некоторые подробности».

Собеседник долго не отвечал, а затем написал лаконичное:

«Вы из полиции?»

Короткое «нет» его не удовлетворило, он продолжал че-

го-то опасаться, тогда Яна, недолго думая, сделала селфи и отправила ему с подписью:

«Я похожа на полицейского?»

На полицейского она похожа совершенно не была. Ей всего девятнадцать, а природная миниатюрность, выкрашенные на этот раз в нежно-голубой цвет, в тон глазам, волосы, фарфоровая кожа и полное отсутствие косметики не добавляли ей ни одного лишнего года. Вообще-то Яна была крайне зависима от чужого мнения, и в другой ситуации наверняка стремилась бы выглядеть взросло и серьезно, чтобы люди относились к ней соответственно студентке юрфака, будущему следователю, но эта зависимость Яну страшно раздражала, и она пыталась с ней бороться не всегда рациональными методами. Чудные, как говорит ее папа, оттенки волос были одним из способов.

«А ты симпатичная», – пришло от Владислава, заставив ее улыбнуться. Похоже, он ей поверил, раз перешел на «ты».

«Так расскажешь?»

«Что именно тебя интересует?»

Яну в первую очередь интересовало, кто был владельцем блокнота и почему у него оказался телефон Владислава, какое отношение вообще он имеет к украшениям. Оказалось, что парень и был тем, кто нашел браслет и медальон.

«На самом деле я понятия не имею, что в том мешочке лежало, я в него не заглядывал, – написал он. – Мы вдвоем с другом искали. Я вообще случайно во все это ввязался,

деньги очень нужны были. А заказчик пообещал хорошо заплатить. С ним изначально Игореха общался».

«Изначально?» – переспросила Яна.

Владислав долго молчал.

«Игореха погиб, – наконец написал он. – Заказчик велел не заглядывать в мешочек, а он походу заглянул. Я спал, не видел, что произошло. Проснулся, а он уже мертвый».

«Значит, заказчику мешочек ты отдавал?»

«Да».

Яна почувствовала, как вспотели ладони. Неужели Владислав видел этого таинственного заказчика? Яна не сомневалась, что это именно тот человек, который прислал ей сначала торт, а потом и мешочек для украшений.

«Сможешь описать его? Или назвать имя?»

«Так он не представлялся. Мы вообще не общались. Он деньги в камере хранения на вокзале оставил, код мне сказал. Я открыл, деньги забрал, мешочек оставил».

«И он не побоялся, что ты обманешь? – удивилась Яна. – Заберешь деньги и смоешься».

«Смеешься? – пришел ответ от Владислава. – Я только рад был избавиться от этой хрени!»

«А какие-то контакты его знаешь? Как-то же ты сообщил ему, что нашел искомое».

«Нашел у Игорехи его номер телефона. Я его не записывал себе, но, если хочешь, попробую поискать в исходящих, правда, давно это было, не факт, что сохранился».

Яна хотела, хоть и была уверена, что таинственный заказчик все предусмотрел. Наверняка тот номер давно не обслуживается и оформлен был на какое-нибудь третье лицо. Все концы уже спрятаны в воду, но это хоть какая-то ниточка. Пока Владислав искал, Яна задумчиво грызла карандаш, глядя в окно, и настолько ушла в свои мысли, что вздрогнула, когда ноутбук пискнул, возвещая о пришедшем сообщении.

«Вот, вроде бы этот, – Владислав написал ей несколько цифр. – Кстати, если хочешь, могу нарисовать тебе заказчика. Я хорошо рисую».

«Ты же сказал, что не встречался с ним», – напомнила Яна, в глубине души подозревая, что Владислав смеется над ней или же хочет продолжить знакомство и ищет повод.

«Не встречался, но мне же было интересно посмотреть, кто он. Вот я и подождал его в сторонке».

На такое она даже не рассчитывала! Хотелось только гневно настроичить новому знакомому, какого черта он так долго молчал, почему сразу не предложил! Однако пришлось выдохнуть и ответить вежливо. Владислав пообещал приступить к портрету как можно скорее.

Закончив беседу, Яна отъехала в кресле от стола и потеряла глаза. За это короткое общение она устала так, будто только что провела самый сложный допрос в своей жизни. Желудок срочно требовал еды, а голова – кофе. Но не успела она отойти от ноутбука, как тот снова коротко пиликнул, на этот раз сообщая, что на электронный ящик упало новое письмо.

Неужели Владислав так быстро нарисовал портрет? Точно обманул ее, никого он не видел!

Яна вернулась к столу, открыла вкладку с почтовым ящиком и нахмурилась. Письмо было не от Владислава, в строке имени значилось «Варвара», значит, именно такую подпись обладатель ящика поставил у себя в настройках. Один из нагловатых магазинов, от которого не помогали никакие фильтры, частенько делал рассылки с ящиков с именами, но Яна откуда-то знала, что это не спам. Человек с таким именем в ее жизни был, но они не общались уже года четыре или даже больше.

Яна осторожно навела курсор на письмо, чтобы увидеть название ящика отправителя. Расширение «.cz» дало понять, что она не ошиблась: мама.

«Ты собиралась пойти сделать еще кофе, так иди», – настойчиво советовал внутренний голос, но вместо этого Яна открыла письмо.

«Януля, привет! – писала женщина, которая по какому-то недоразумению считалась ее матерью. – Я через пару дней приезжаю в Россию, хочу тебя увидеть. Вы с Максимом вроде бы куда-то переехали, да? Дай мне свой новый адрес. Или лучше сама приезжай в Москву, у тебя же наверняка сейчас каникулы? Погуляем, поболтаем, мы так давно не виделись!»

Яна чувствовала, как дрожат не только руки, но и все тело. Такого сильного негодования она не испытывала, пожалуй, никогда в жизни! Мама писала так, будто бы они расста-

лись всего несколько месяцев назад, будто бы продолжали общаться и встречаться. А ведь на самом деле за последние четыре года они не перекинулись ни словом! И если первые годы после того, как Яна стала жить с отцом, а мама упорхнула замуж за границу, она все еще продолжала кормить дочь обещаниями скоро забрать ее, то затем даже не поздравила с пятнадцатилетием! Написала позже, сказала, что замоталась, и даже не извинилась. С тех пор все ее письма Яна отправляла в спам, не читая, а последний год, а то и больше, письма уже и не приходили. И вот на тебе! Мамочка хочет встретиться и поболтать. Да она лучше удавится!

– Яна? – голос папы заставил ее вздрогнуть и торопливо захлопнуть крышку ноутбука.

Она обернулась, стараясь напустить на себя ленивый вид. Только бы он ничего не заподозрил! Вот уж кто точно не должен знать об этом дурацком письме.

– Да?

– Как насчет перекуса? – подмигнул ей отец. – У Элизы короткий перерыв, а я вскоре уезжаю по делам в город, но пока есть время. Присоединишься к нам?

– Безусловно! – широко улыбнулась Яна. – А можно мне с тобой?

– Уже соскучилась в нашей глуши? – поддел папа.

– Нет, соскучилась по тебе. И лишние сорок минут вдвоем в машине проведу с удовольствием.

Отец если и удивился, то виду не подал. Яна подозревала,

что он был просто счастлив такому предложению и отказываться не собирался. А Яна испытывала непонятную неловкость за это дурацкое письмо, будто, даже прочитав его, она предала папу, и, как это часто бывало, хотела исправить ситуацию хотя бы в собственных глазах.

* * *

Если Яна могла просто проигнорировать письмо матери и избежать встречи с ней, то Лера такой привилегии была лишена. И когда за полчаса до окончания рабочего дня позволила мама, ей пришлось взять трубку и пообещать, что сразу после работы она заедет к ней, хоть сначала Лера и попыталась избежать экзекуции:

– Мам, у меня очень много работы...

– Женщина должна уходить с работы вовремя! – отрезала мать. – Иначе не останется времени на домашние дела.

Никаких домашних дел у Леры не было, но об этом она говорить не рискнула, боясь получить новую порцию нравов-учений, что именно должна делать женщина дома. И это при том, что мама в своей жизни не проработала ни дня, а в третьем браке у нее была домработница. Чем именно мама занималась в свободное время, Лера не имела понятия.

Ровно в 17.00 она повесила халат на крючок, приняла душ и, тронув губы помадой, которую все равно не будет видно под маской, направилась к автобусной остановке, в очеред-

ной раз с тоской подумав, что надо бы все-таки собрать волю в кулак и сдать на права. До всей этой кутерьмы с пандемией, локдаунами и QR-кодами Лера была уверена, что никогда и ни за что не станет водить машину. Ей было гораздо проще прислониться лбом к стеклу автобуса и смотреть на проскальзывающие мимо дома и магазины, чем следить за светофорами, пешеходами, думать о заправке и страховке. Но последние полтора года показали, как много вокруг неадекватных людей, готовых плевать не только на собственное здоровье, но и на здоровье окружающих, людей, верящих в заговоры, чипирование и прочую ересь. В такой ситуации машина казалась меньшим злом, а потому Лера в очередной раз дала себе обещание к концу лета заняться вопросом автошколы вплотную.

В гостях у матери была ее двоюродная сестра Вероника, мама Виктории, и этот факт едва не заставил Леру развернуться и выйти. Значит, позвали ее не просто так, сейчас будут пытаться о ходе расследования и обстоятельствах смерти троюродной сестры. А ведь Лера официально понятия ни о чем не имела. Во-первых, в тот злополучный день она была не на дежурстве, поэтому телом занимался Илья, во-вторых, даже если бы работала она, аутопсию все равно проводил бы другой судмедэксперт. Ну и в-третьих, если им хочется что-то знать, логичнее было бы допросить Лосева, а вовсе не ее. Но родственницы решили иначе. Даже чаю ей не налили, прежде чем наброситься с вопросами.

– Когда нам отдадут Вику? – с порога поинтересовалась мама. – Бедная девочка уже четыре дня лежит у вас в холодильнике!

– Это не по-человечески, – вторила ей тетка. – Мы хотим похоронить ее как положено.

– Судмедэксперт еще не закончил со всеми экспертизами, – устало ответила Лера, понимая, что никакие ее доводы все равно не будут услышаны.

– Да что там заканчивать за четыре-то дня! – продолжала возмущаться тетка.

– У нас же не одно тело.

То, что сказала это зря, Лера поняла сразу, едва слова вылетели изо рта и тяжелым камнем повисли в просторной гостиной матери.

– Тело! – Вероника прижала ладонь ко лбу и упала в кресло. – Значит, теперь моя дочь для тебя – тело?

– Валерия! – шикнула на Леру мама, бросаясь к сестре со стаканом воды. – Думай, что говоришь!

– Если бы у нее были дети, она никогда бы так не сказала! – всхлипывала Вероника. – Назвать моего ребенка телом!

Тетка продолжала рыдать, мама – порхать возле нее, а Лера отошла к окну, пытаясь подавить в себе глухое раздражение. Нужно взять себя в руки и как-то это перетерпеть. Не первый раз она сталкивается с безутешными родственниками, должна бы уже привыкнуть, что они всегда ищут виноватых, а чаще всего срываются именно на судмедэкспертах,

особенно если те – женщины.

Чтобы не слышать стенаний, Лера вышла из гостиной и направилась на кухню. Она сегодня пообедала одним лишь салатом в столовой, а на завтрак, как всегда, выпила кофе с кусочком горького шоколада, потому к вечеру проснулся здоровый аппетит. Не стесняясь, соорудила себе несколько больших сэндвичей, налила в стакан невесть откуда взявшуюся в холодильнике матери, следящей за фигурой, пепси, и со всем этим богатством устроилась за столом, листая в телефоне последние городские новости.

Мама появилась на кухне в тот момент, когда Лера доела один сэндвич и взялась за второй. К удивлению, она не стала читать ей лекцию о правильном питании и предрекать, что если Лера продолжит употреблять всякую дрянь, то никогда не найдет себе мужа. Вместо этого села за стол напротив дочери и тихо сказала:

– Будь, пожалуйста, с Вероникой помягче. В конце концов, она потеряла вторую дочь за полгода, заслуживает снисхождения.

Лера удивленно посмотрела на мать. Давно она не слышала от нее такого тона. И ей внезапно стало стыдно. Ведь как бы то ни было, а Вероника ей не чужая, и уж как минимум для нее стоило сделать прореху в собственной толстой коже.

– Хорошо, – пообещала она.

– И не ешь всякую дрянь, – уже привычным тоном велела мать. – С таким питанием ты угробишь себе здоровье еще

до сорока.

– Между прочим, все это я взяла у тебя в холодильнике, – напомнила Лера.

Мама будто не слышала.

– Тебе нужно начать нормально питаться. Из-за отвратительного образа жизни у тебя и волосы тусклые, и кожа давно просит похода к косметологу.

Лера едва не задохнулась от возмущения. Непослушные волосы ей достались от отца, которого, между прочим, выбирала мама, а вот на кожу свою она не жаловалась даже в подростковом возрасте, когда все сверстники были усыпаны прыщами, как новогодние елки гирляндами.

– Если ты продолжишь в том же тоне, я уйду, – предупредила Лера, откладывая второй сэндвич. Есть перехотелось.

На пороге кухни показалась Вероника, демонстративно не глядя в сторону Леры, но та решила внять словам матери и не обижаться. Раз уж оказалась здесь, стоит выяснить кое-какие подробности о смерти Катерины, родной сестры Вероники, умершей от болезни. Карина ничего особенного не сказала, но мама и Вероника могут знать больше.

– Катя? – удивленно переспросила мама, когда Лера завела об этом разговор. – Она давно болела. У нее был сахарный диабет чуть ли не с детства, в последние годы она колола себе какие-то бешеные дозы инсулина.

– И при этом продолжала есть сладкое, – с презрением бросила Вероника. – Странно, что и так долго протянула с

таким отношением к здоровью.

– А потом и вовсе «короной» заболела, – продолжила мама.

– Потому что везде без маски шастала, – снова вставила Вероника, – представляешь, – она вдруг повернулась к Лере, будто разом забыла обиду, – она говорила, что всем, кто делает прививки, вживляют специальный микрочип с бомбой, и потом, когда достаточное количество людей на Земле привьется, кто-то нажмет кнопку и все привитые взорвутся.

Лера поперхнулась пепси, закашлялась, темно-коричневая жижа полетела на стол даже через нос. Такой чуши она еще не слышала! Пожалуй, эта теория превзошла все, слышанные ею ранее.

– Вот! – удовлетворенно ткнула в нее пальцем Вероника. – И ты считаешь это глупостью, а Катя верила.

– Да, но при чем тут маска? – прокашлявшись, спросила Лера. – Это ведь не прививка. Или в маски тоже что-то вживляли?

– В мозги ей вживляли! – фыркнула Вероника. – И причем одни глупости. Так что исход закономерный.

– Сгорела буквально за пару дней, – вздохнула мама. – На скорой в больницу отвезли, когда уже задыхаться начала, там сразу в реанимацию, но не откачали. Вроде отек легких начался – и все. Это в начале сентября еще было, скоро годовую отмечать уже.

Лера осторожно выдохнула. Отек легких? Точно ли он на-

чался от коронавируса, или же Катерина тоже стала жертвой «проклятия»?

– А жена дяди Андрея? – поинтересовалась она, стараясь никак не выдать особого интереса, чтобы мама и тетка не начали допытываться, с чего вдруг у нее проявился такой интерес к семейным делам. – Она вроде давно умерла?

– Так еще при родах, – махнула рукой Вероника. – Это ж начало девяностых было, развал в стране в целом и в медицине в частности. Лизу родила, ее и оставили все, а у нее кровотечение открылось. Пока обнаружили, она уж и скончалась.

Маточные кровотечения – штука опасная, это Лера точно знала. До сих пор от них умирают роженицы, даже в стационаре не всегда удается спасти. Но в линию с «проклятием» мать Лизы, скорее всего, не ложится, однако совсем списывать ее со счетов пока не стоило.

Выяснив между делом название больницы, в которой скончалась Катерина, Лера пообещала постараться ускорить выдачу тела Виктории и распрощалась с родственницами. Раздумывая, чем бы занять остаток дня, поскольку ехать сейчас в больницу все равно бессмысленно, лечащий врач Катерины наверняка уже ушел домой, она приняла несвойственное для себя решение: позвонила Илье и позвала его на ужин. Ей сейчас необходимо было не только приятно провести с кем-то время, но и услышать несколько комплиментов. Лера едва ли призналась бы в этом кому-то, но самой себе

могла: критические замечания матери по поводу ее внешности всегда попадали точно в цель и надолго портили настроение.

Глава 4

В декабре прошлого года Никита уже был дома у отца Яны, поэтому сейчас дорогу нашел без труда. Несколько часов назад Элиза написала ему, что Яна с отцом уехали по делам, их не будет до вечера, поэтому он может приехать.

Именно Элизе Никита написал, когда решал, посвятить в тайну Яны Сашу Сатинова или кого-то другого. Точнее, такой выбор даже не стоял, но, уже написав Саше сообщение, он внезапно передумал. Сам не знал, почему, просто вдруг решил, что с Сашей Яна уедет только в августе, а до этого не факт, что они будут часто общаться, ведь жить в городе ей негде, а Саша, насколько Никита знал, переезжать к себе ей не предлагал. Да и едва ли Яна согласилась бы, как он помнил, у нее довольно строгий отец. Говорить самой Яне Никита ничего не стал, боялся напугать. Человек не должен жить под гнетом неотвратимых неприятностей, тем более в том, что они именно неотвратимы, он продолжал сомневаться. Или, по крайней мере, хотел сомневаться.

В деле об убийстве матери он не прочел ничего, что подтверждало бы его воспоминания и ощущения, а также слова отца. Криминалисты не нашли следов посторонних людей – или существ – в квартире Кремневых, соседи также не слышали и не видели, чтобы к ним кто-то приходил незадолго до убийства. Да, гостиная была разгромлена, но ведь в ней

боролись два взрослых человека, и боролись не на жизнь, а на смерть. Отец не застрелил мать одним точным выстрелом, он нанес ей четыре ножевых ранения, и только последнее стало смертельным. А до него мать могла пытаться выбраться из квартиры или хотя бы защищаться. Никита был уверен, что она выбрала последнее. Мама не смогла бы убежать, зная, что в квартире остаются трое малолетних детей. Отец не произнес ни слова после задержания, не стал давать показаний, и никто не знал, что случилось в тот вечер между ним и его женой, что привело к трагедии, а потому и не знал наверняка, что произошло бы, если бы он нашел детей. Впрочем, между тем, как все затихло, и тем, как приехала вызванная соседями полиция, прошло некоторое время, и отец их не искал. По свидетельствам полицейских, они нашли его сидящим на полу возле тела жены. И, судя по следам, он никуда не ходил все это время.

Немногочисленные фотографии тела матери также не дали Никите никаких подсказок. На ней не было черных следов, как на теле Алины Девятовой, но они могли быть спрятаны под одеждой, а снимать тело перед вскрытием судмедэксперт не стал. Или эти фотографии просто не вложили в дело.

Элиза ждала Никиту за накрытым для легкого чаепития столом, аккуратная и собранная, какой он ее и запомнил в прошлый раз, только на этот раз образ строгой учительницы портило легкое шелковое платье, но в другом в такую жару

было не выжить. Никита и сам, как и каждое лето, жалел, что мужчины не носят платья. Хотя, справедливости ради, он и шорты надеть никогда себе не позволял, если только не был на пляже. Легкие светлые штаны и рубашка с коротким рукавом не спасали от жары, но немного ее облегчали.

– Здравствуйте, Никита, – Элиза легко улыбнулась ему, приглашая в дом. – Чай, кофе? Холодный лимонад?

– За последнее буду крайне благодарен, – не удержался Никита.

В сдержанности Элизы он слышал скрытую тревогу, поэтому ходить вокруг да около не стал: едва только они оказались на кухне и он, стараясь не походить на оголодавшего бездомного кота, ополовинил стакан с лимонадом, в котором приятно хрустели кусочки льда, приступил к делу.

– Два месяца назад к Яне в руки попали украшения: браслет и медальон, – начал Никита, не стараясь выбирать слова и думать над построением фраз. С такой, как Элиза, этого можно было не делать, она поймет и так, Никита был в этом уверен. – К сожалению, украшения эти не так просты, как кажется на первый взгляд. Когда-то давно один маг вызвал демона и с помощью них привязал его к себе. С тех пор все, кто носит браслет и медальон, как бы владеют демоном, могут загадывать ему желания, и он их исполняет. Но если только одним из украшений завладеет кто-то другой, демон получит силу и постарается убить и бывшего, и нового хозяина. Сейчас, пока обе вещицы у Яны, ей вроде бы нечего

опасаться.

– Погодите, – перебила его Элиза, – но я не видела у Яны ничего подобного. Уже стоит переживать?

– Нет, – Никита успокаивающе улыбнулся. – Ей необязательно носить их, важно, что она ими владеет, и, пока их не наденет никто другой, она – их единственная хозяйка. Она хранит их в мешочке подальше от посторонних глаз, так безопаснее. Проклятые украшения имеют свойство притягивать взгляд, даже если кажутся совсем обычными и дешевыми безделушками, кто-то может захотеть надеть их, если они будут на виду. Но проблема на данный момент не в этом. – Он замолчал, на этот раз собираясь с мыслями, потому что то, что собирался сказать Элизе, не говорил еще никому и не был уверен, стоит ли вообще это упоминать. Вдруг он ошибся, вдруг отец ему солгал? А материалы убийства матери только подстегивали эти сомнения.

– А в чем? – спросила Элиза.

– У меня есть предположения, что владение этими украшениями может сказываться на психике человека, – осторожно сказал он.

– Как именно?

– К сожалению, я не знаю. – Никита немного помолчал, а затем сказал будто в пустоту. – Пожалуй, мне придется рассказать вам все, чтобы вы поняли, иначе я не знаю, как это объяснить.

– Пожалуй, – согласилась Элиза.

– Много лет назад мой отец убил свою жену, мою мать. Мы – я, мой брат и сестра – были совсем маленькими, мне было восемь, а им еще меньше. Поэтому многого я не запомнил и не понял. Отец с тех пор живет в психиатрической клинике, с людьми практически не общается, меня и вовсе не узнавал до недавнего времени. Или талантливо делал вид. Никаких объяснений суду он не дал, исходя из материалов дела, которые мне удалось раздобыть. Но у меня есть мнение, что в ту ночь, когда все произошло, этот демон так или иначе там был. Это мое экстрасенсорное восприятие, объяснить вам словами я не смогу.

Элиза кивнула, давая понять, что ей хватит и такого объяснения. Именно поэтому Никита и решил все рассказать ей, а не Саше, и сейчас убедился в правильности своего решения.

– Но когда около двух месяцев назад завертелась вся эта история с украшениями, – продолжил он, – и Яна стала владелицей одного из них, отец внезапно решил со мной поговорить. Сказал только, что я костыми должен лечь, но не позволить одному человеку завладеть обеими вещами, иначе случится большая беда. Поэтому я и сделал вывод, что он что-то знает. Думаю, двадцать лет назад эти украшения каким-то образом попали к нему. Он ведь был милиционером, мог раскрывать убийство человека, которого одолел демон. Или что-то в этом роде. И завладеть украшениями.

– И вы думаете, что именно так владение демоном сказа-

лось на психике вашего отца? – правильно все поняла Элиза. – Он в какой-то момент сошел с ума и убил вашу маму?

Никита развел руками.

– Это единственное объяснение, какое я смог придумать. К сожалению, ничего больше отец не сказал и теперь снова делает вид, что не узнает меня. Также вы должны знать, что в материалах дела я не нашел ни одного подтверждения присутствия демона.

– Но их и не искали тогда, а если что-то и видели, то отмахивались, – возразила Элиза. – Людям свойственно не только упускать из вида, но даже почти мгновенно забывать то, что не укладывается в их систему мира.

Никита облегченно кивнул, еще раз убеждаясь в том, что принял верное решение.

– Поэтому я наблюдаю за Яной, – сказал он, – но теперь, когда начались каникулы и я не могу видеть ее часто, мне нужна помощь.

Элиза перевела взгляд на окно. Никите казалось, что он должен что-то сказать, что она ждет от него еще каких-то слов, но каких именно, он не понимал. Наконец Элиза снова посмотрела на него.

– Скажите, Никита, почему вы так печетесь о Яне?

Повторять ложь, которую однажды сказал самой Яне, мол, потому что она его студентка, Никита не стал. Элиза старше, мудрее, и она тоже преподаватель, она не поверит.

– Потому что я втянул ее в это, – пояснил он, но Элиза,

казалось, и этому не поверила. Нет, не усмехнулась скептически, не приподняла в недоверии бровь. Просто светло-зеленые глаза вдруг потемнели, взгляд сделался более внимательным, будто до этого она рассматривала его лицо, а теперь заглянула в душу. Никите стало беспокойно.

– Яну достаточно легко втянуть в сомнительные мероприятия, тут я с вами спорить не стану, – усмехнулась Элиза. – Но лишь в те, куда она сама хочет быть втянутой. Так что, если дело только в этом, вам не стоит мучиться угрызениями совести.

– А если не только в этом? – внезапно даже для самого себя спросил Никита.

Взгляд Элизы ничуть не изменился. Она наверняка ждала этого, сразу поняла.

– Тогда аккуратнее. Какой бы умненькой и взрослой она ни казалась, ей девятнадцать. Девушки в ее возрасте наивны и романтичны. Вы пригласите ее на ужин, а она уже начнет выбирать имена вашим детям.

Элиза сказала ровно то, что он и сам знал, чем себя сдерживал. Что ж, значит, он был прав, и не стоит уклоняться от выбранного ранее пути. Сейчас допьет лимонад и исчезнет из Яниной жизни на два месяца.

– Я учту ваш совет и не стану приглашать ее на ужин, – заверил Никита.

Темная зелень в глазах Элизы снова посветлела, превративший из болотной тины в свежую траву, губы растянулись

в улыбке.

– Если только она сама вас не пригласит.

Через открытое настежь окно до них донесся звук двигателя и шум колес по гравийной дороге. Элиза торопливо встала, выглянула в окно.

– Вернулись? – пробормотала она.

Холодок пробежал по спине Никиты. Встречаться здесь с Яной в его планы не входило. Как теперь объяснить, зачем он приехал? Однако объяснять придется, потому что его машина стоит перед домом, и даже если Яна с отцом вернулись зачем-то ненадолго, то машину они все равно уже увидели. Оба выходили из своего автомобиля удивленными, хотя лицо Яны осветилось радостной улыбкой, когда Никита и Элиза вышли на порог.

– Никита? Вот так сюрприз!

А вот ее отец выглядел не столько удивленным, сколько настороженным, и это было понятно. Никита явился в его дом в его отсутствие и пьет чай в компании его жены, такое никому не понравится. Ведь если он приехал к Яне, то мог бы предварительно ей позвонить, не девятнадцатый век на дворе, и даже не двадцатый, когда телефоны были лишь стационарными и не всегда к ним имелся доступ.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Яна, когда с формальными приветствиями и рукопожатиями было покончено.

– Кажется, на нас свалилось новое небольшое расследова-

ние, – сказал Никита, решив, что привлечь к нему Яну будет меньшим из зол в данном случае. Это шло вразрез со всеми его недавно принятыми решениями, но другого выхода он не видел. Просто постарается поменьше с ней контактировать. – Я как раз проезжал мимо и решил, что тебе это может быть интересно, если ты пока ничем не занята.

Янины глаза мгновенно вспыхнули радостным огнем. Права была Элиза: Яна из тех, кого крайне легко втянуть в неприятности, если только она сама этого хочет.

– Какое? – выдохнула она.

– Почему вы не позвонили? – уточнил ее отец. – От трассы до нас семь километров, не совсем по дороге.

– Мобильный разрядился. Я до того привык, что в машине есть зарядка, что совсем не подумал об этом дома, а зарядку, оказывается, стащила сестра, – развел руками Никита, надеясь, что, во-первых, его ложь покажется достаточно убедительной, а во-вторых, прямо в этот момент никто ему не позвонит и «разряженный» мобильник в кармане не разрядится веселой мелодией.

– А я же не стану держать человека в такую жару на улице, – беззаботно улыбнулась Элиза. – У нас остался лимонад, можете присоединиться, раз уж вы вернулись. Кстати, почему?

– Да Корнев, как всегда, уехал, не предупредив, – раздраженно бросил Янин отец, заходя в дом. – Поэтому встреча с ним сорвалась.

Элиза коснулась его плеча, легко чмокнула в щеку и, заходя за ним в дом, бросила на Никиту многозначительный взгляд, как бы говоря, что лжец из него первоклассный. Он и сам это знал.

– Я сейчас принесу тебе зарядку, а ты мне расскажешь про новое расследование! – хлопнула в ладоши Яна, устремляясь в дом за родственниками. – Заходи, не стой! – донесся из глубины дома ее голос.

Но прежде, чем зайти, Никита вытащил не сдавший его телефон и отключил питание, чтобы экран не зажегся раньше времени, когда он будет ставить его заряжаться. Хорошие лжецы должны учитывать все детали.

* * *

Никита надолго задерживаться не стал, уехал буквально через полчаса, выпив еще один стакан холодного лимонада и рассказав ей о новом деле. Яна же поделилась с ним подробностями переписки с Владиславом и записала номер телефона, по которому тот связывался с магом. Никита пообещал передать его Лосеву и выяснить все детали, но по его тону Яна поняла, что он, как и она сама, не уверен в успехе. Понимает, что маг не дурак и подстраховался.

Яна вернулась в свою комнату, намереваясь сразу же заняться делом. Жаль, что на этот раз с полицией придется сотрудничать тайно, за спиной следователя, но тут уж ничего

не попишешь. Хорошо, что хоть Лосев сможет снабжать их информацией о ходе расследования. Никита дал Яне задание из разрозненных записей составить генеалогическое древо семьи Виктории, чтобы собрать всю информацию воедино, и именно этим она собиралась заняться. Разбираться с родственными связями чужой семьи сложно, а с наглядной схемой перед глазами задача сильно упрощается.

Устроившись на полу, Яна разложила вокруг себя все листочки с записями и принялась рисовать на листе А4 древо, параллельно выписывая на отдельный листок вопросы, которые нужно будет уточнить у Леры, чтобы не звонить той каждый раз, но вскоре ее занятие прервалось телефонным звонком.

– Привет, красавица! – послышалось в трубке традиционное приветствие Саши Сатинова. – Чем занимаешься?

– Вся в новом расследовании, – призналась Яна, продолжая сортировать листочки на полу.

– В новом расследовании? – голос Саши стал настороженно-удивленным, и только в этот момент Яна поняла, что, рассказывая ей о том, что они уже успели сделать, Никита ни разу не упомянул Сашу.

– Да, тут выплыло кое-что в семье Леры, – произнесла она, отчего-то чувствуя себя виноватой. – Вроде как семейное проклятие, или что-то в этом роде. Наверное, Леша скоро тебе позвонит, мы же команда.

Саша странно хмыкнул.

– Или я сам ему позвоню, – весело отозвался он, – даже если мы не команда, то я нескромный и от нового дела отказываться не стану. Значит, ты сегодня занятая и на ужин тебя не звать?

– Я у родителей, так что в любом случае не позовешь.

– Ах, а я и забыл, что у тебя каникулы, везет же студентам, – притворно вздохнул Саша. – Ладно, встретимся на днях, покажу тебе парочку вариантов для отпуска, мне знакомая подобрала, у нее свое турагентство.

Яна заверила, что обязательно позвонит, как только будет в городе, и первый же вечер посвятит ему. Положив трубку, она перевернула телефон экраном вниз, будто это могло спасти от нежелательных звонков, и с нетерпением вернулась к своему занятию.

Самым старшим членом семьи, которого вспомнили Лера и ее троюродная сестра Карина, была их прабабка Прасковья – обычная крестьянка, родившая в своей жизни не то восемь, не то девять детей, из которых выжили только трое: старшая девочка Нина, сын Евгений – дедушка Леры, и еще одна дочь Мария – бабушка Карины. О семье Нины ни Лера, ни Карина ничего не знали, после замужества она переехала в Казахстан, и Яна сделала себе пометку разузнать о ней подробнее. У Евгения родилась лишь одна дочь – Светлана, мама Леры и Анны, у Марии же было трое детей: Андрей, Екатерина и Вероника. Екатерина замуж не вышла и детей не завела, у Андрея были сын Костя и дочь Лиза, у Верони-

ки – Карина, Юлия и Виктория.

И вот тут начиналось самое запутанное и интересное. Екатерина умерла в прошлом сентябре, три ее племянницы – в течение года после нее. Никита связывал эти четыре смерти, но говорил, что Екатерина немного выбивается из общего ряда: пусть она умерла от отека легких, но все-таки из-за болезни, а вот ее племянницы так или иначе утонули.

Поставив нужные пометки возле каждого имени, Яна выпрямилась и посмотрела на схему. Интересно, бывают ли такие молодые проклятия? Или же правильнее называть его порчей? Яне почему-то казалось, что проклятие – это нечто древнее, выдержанное годами, а то и десятилетиями, уничтожающее целые поколения. А порча – понятие быстрое, стремительное, убивающее здесь и сейчас. А еще порчу снять гораздо легче, чем бороться с проклятием.

Яна потянулась к ноутбуку, чтобы написать Никите и обсудить с ним это, но наткнулась взглядом на почтовый ящик с письмом от матери, и все мысли снова вернулись к ней. На письмо Яна так и не ответила и пока не могла решить, что вообще с ним делать.

Захлопнув крышку ноутбука, она поднялась на ноги, решив, что ей срочно нужно чем-нибудь перекусить. К вечеру жара немного спала, легкий ветерок колыхал занавески через открытое окно, и организм вспомнил, что с самого утра его хозяйка ничего не ела. Фруктовый лимонад на обед сложно назвать едой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.